

«Сей город, обнесённый снами...»

Эссе

В 2012 году ярославский поэт Александр Беляков стал стипендиатом Фонда мемориальных стипендий памяти Иосифа Бродского. Это независимая некоммерческая организация, существующая за счёт частных пожертвований. Фонд, зарегистрированный в США, возглавляет Мария Бродская, вдова поэта. Ежегодно Фонд назначает две стипендии, одна из которых предназначена для поэтов, другая — для художников. Стипендиатов выбирает независимое жюри, которое формируется попечительским советом Фонда. Состав последнего определил сам Иосиф Бродский незадолго до смерти. В попечительский совет Фонда входят известные деятели культуры — например артист балета Михаил Барышников и известный филолог Вячеслав Иванов. Стипендиат живёт и работает в Италии в течение трёх месяцев. Фонд предоставляет такую возможность совместно с Американской академией в Риме. Поэтическая стипендия присуждается с 2000 года. За это время её получили десять российских поэтов. Ярославец Александр Беляков стал одиннадцатым стипендиатом Фонда. Предлагаем вашему вниманию его эссе о трёх месяцах, проведённых в Риме.

В первую же римскую субботу развели меня на тридцать евро. Только вышел из недр Трастевере к мосту Понте Систо, слышу за спиной: «Ми скузи!» Оглянулся, вижу — кричит водитель синего «фиата». Подхожу. За рулём пожилой мужичок, одетый не без лоска. Полосатая рубашка, брюки со стрелками. Объясняю, что не знаю итальянского. Тогда он по-английски спрашивает: «Ватикан — это там?» Нет, отвечаю, вы не в ту сторону едете. Мужик оживляется, благодарит, спрашивает, откуда я. Узнав, что из России, оживляется ещё больше. Переходит на ломаный русский, говорит, что жена у него из Сибири, а сам он работает у Армани. И без всяких церемоний суёт мне в руки пакет с «сувенирами от фирмы». В благодарность и с любовью к русским. Я вежливо отнекиваюсь, он настаивает и добивается своего. Практически без перерыва начинается вторая часть

«марлезонского балета». Показав мне кредитку, даритель говорит, что на ней как назло кончились деньги, а ему нужно 50 евро на бензин, чтобы вернуться в Милан. Всё происходит настолько быстро, что я не успеваю настрожиться. Достаяю из кошелька бумажку в 10 евро.

— Нет, — мотает он головой, — этого мало.

Но берёт. По инерции достаю ещё двадцатку. Мелких купюр в кошельке больше нет.

— Пятьдесят, — упорно повторяет мой визави, но и эту берёт. Смутно что-то заподозрив, пробую вытянуть купюру из цепких пальцев благодетеля, одновременно пытаюсь всучить ему обратно пакет с тряпичными дарами.

— До свиданья, — неожиданно сердито говорит старичок и жмёт на газ.

Я остаюсь на тротуаре и стремительно прозреваю. Заглянув в пакет, понимаю: это далеко не Армани. Ставлю пакет на парапет и продолжаю прогулку с ясным пониманием того, что мне продали за 30 евро от мёртвого осла уши.

Интересно, что в следующую субботу в то же самое время (около полудня), в том же самом месте я вновь услышал за спиной молящее: «Пер фаворе!» В окошке синего «фиата» маячил тот же аферист. Очевидно, он меня не узнал. Выяснить отношения смысла не имело, и я двинулся дальше по намеченному своему маршруту.

Позже я осознал причину собственной заторможенности в момент разводки. Меня предупреждали о римских аферистах. Но среди версий обмана, предусмотренных фантазией, просто отсутствовала та, в котором автомобилист «стрижёт» пешехода. И ещё подумалось в тот день: может, я парень и неглупый, но реакция у меня замедленная, а дума тугая. Люди с такой моторикой не могут преуспеть в жизни, потому и лезут в слово, как в параллельную реальность.

К счастью, это было первое и последнее проявление римского негостеприимства. На протяжении последующих трёх месяцев никто больше в Вечном городе не пытался меня обмануть, ограбить или обхамить. И чувствовал я себя в столице Италии, положила руку на сердце, даже спокойнее, чем в родном Ярославле. Вот как об этом сказало в одном из стихотворений цикла «Римские вирши»:

*слышишь двери стучатся в стены
прорастают в камнях оконца
это музыка перемены
позывные римского солнца*

*оркестрованные под рондо
приглашающие на танец —
улыбается как джоконда
неулыбчивый чужестранец*

*стали сны его шестипалы
а сухие глаза солощи
будто кончился срок опалы
и открылись райские рощи*

* * *

Известие пришло поздним вечером 4 июня. Месяц назад потеряв работу, я никак не мог найти новую. Настроение было так себе. Обидно, когда ты многое умеешь, но никому

Рим. В любимом кафе близ Колизея

не нужен. Проверая перед сном электронную почту, я обнаружил письмо следующего содержания:

«Уважаемый Александр. Пишу Вам в качестве представителя Фонда мемориальных стипендий памяти Иосифа Бродского в России — чтобы поздравить. Решением жюри стипендия Фонда 2012 года присуждена Вам. Наполнением стипендии является двухмесячная (или более короткая, но не менее месяца — по Вашим рабочим обстоятельствам) поездка в Италию за счет Фонда осенью текущего года. Фонд покрывает транспортные расходы, оплату жилья и выдаёт некоторую сумму на ежедневные расходы. Стипендиат не несёт перед Фондом никаких обязательств, кроме обязательства представить через некоторое время после завершения поездки небольшой отчёт о своём пребывании. Пожалуйста, сообщите как можно скорее, можете ли Вы принять стипендию.

Я также готов ответить на возникшие у Вас вопросы (возможно, быстрее будет по телефону — в этом случае оставьте мне свой, я перезвоню)».

Первой мыслью было: это розыгрыш. Но фамилия автора письма, московского поэта и журналиста, была мне известна. Я не затягивал с согласием:

«Спасибо за радостную весть! Стипендию принять готов. Рабочие обстоятельства позволяют — я сейчас безработный. Вопросы завтра задам по телефону».

И получил в ответ: «Ура! Договорились, тогда завтра созваниваемся». Пропуская подробности, можно сказать: так я попал в Рим.

Не два, как было сказано в письме, а почти три месяца, проведённых в Вечном городе, стали чем-то совсем отдельным в моей жизни. Никогда ещё я не был полностью представлен самому себе. С юных лет большинство из нас живёт по социальному расписанию. Ясли, детсад, школа, колледж или вуз, работа — этапы предопределённого и, в общем-то, принудительного пути. А в утешение болящим — немудрёные сентенции типа «Труд

создал человека». Может, оно и так, только я никогда не мог себе позволить не работать. А здесь получилось! Целый сезон блаженного безделья. Тёплая римская осень, похожая на наше лето, и немного зимы, похожей на нашу осень. С конца сентября до середины декабря. То есть труд, конечно, был, но только стихотворческий, который, вроде как, и не труд, а удовольствие. Потому что не для денег и не из-под палки.

*холмы смонтированы встык
там ангел-верхолаз
за каждый варварский язык
даёт алмазный глаз*

*когда-нибудь он мир спасёт
с холмами или без
но слаще ангельских красот
отеческий бельмес*

* * *

В Риме меня встречали как почётного гостя. Американская академия отправила за мной в аэропорт Фьюмичино машину эскорта. Она бесконечно долго плутала по змеевидным улицам района Трастевере и, наконец, остановилась. Между домами на верёвках сохло бельё. Было тепло, солнечно и тихо. Водитель, молодой красавец-брюнет, выгрузил мой багаж и попрощался. Я набрал по мобильному риэлторов. Через пять минут две бойкие сухонькие итальянки Джулия и Лалли уже вели меня по трём лестничным пролётам в квартиру, которую снял для своего стипендиата Фонд Бродского. Леопардовый переулок, дом восемь. По этому адресу я провёл большую часть своих римских каникул, незабываемых и несравненных.

Однокомнатное жилище оказалось двухъярусным. На первом уровне проходила моя дневная жизнь, а в спальню я подымался по винтовой лестнице. В квартире имелось всё необходимое: электрическая плита, холодильник, стиральная машина. Плюс интернет, которым я обильно пользовался, ежевечерне общаясь с родиной по скайпу. Из двух окон просторной кухни открывался вид на два узких внутренних дворика. Третий дворик можно было лицезреть, распахнув двери на символический балкон. Из окон напротив вечерами доносилась переключка домохозяек, готовивших, судя по запаху, что-то национальное и очень вкусное.

В день прилёта я отправился в первое путешествие по Риму. Опрометчиво решил не сверяться с картой, опираясь на чутьё и память о визите пятилетней давности, за что был наказан, ибо вскоре заблудился. Улочки исторического центра никогда не ходят прямо, поэтому и в самом деле полны неожиданностей. Позже прогулки наугад стали моим любимым жанром путешествий по столице Италии.

*раствор замешан на глазном белке
стена нагая смотрит не мигая
как будто в потаённом уголке
себя пройти навывлет предлагая*

*не счесть пустот в языческих полях
поют дары из каждого зиянья*

*столетья оставляя на нулях
до точки ужимая расстоянья*

*за пазухой у бога сад камней
шагни в него как вечный неумеха
кирпичными щеками пламеней
и радость пей из солнечного меха*

Трастевере на русский переводится как Затибрье. Жители района, расположенного на западном берегу Тибра, на склоне холма Яникул, долгое время даже не считали себя римлянами. И по сей день это место сохранило своё своеобразие. Узкие улочки, вымощенные камнем. Туристических объектов немного, зато таверны и ресторанчики — на каждом шагу. Та часть Трастевере, где выпало жить мне, оказалась практически не изуродована новациями. Как будто я оказался внутри большущей декорации, изготовленной для пьесы Эдуардо де Филиппо. Топографически я тоже расположился очень удобно. На север — полчаса до Ватикана, на восток — до площади Венеции. Всё под рукой, на расстоянии пешего хода: и Капитолий, и Колизей, и главные торговые улицы Рима. Впрочем, эти улицы интересовали меня в последнюю очередь.

*сей город обнесённый снами
со всякой грамотой на ты —
что не покрыто письменами
открыто духам темноты*

*верны воздушному приказу
повсюду смыслы расцвели
и каждый холм вещает сразу
на всех наречиях земли*

И вот ты один. На три месяца освобождён от всех обязанностей, кроме тех, которые сам, добровольно на себя возложишь. Не надо просыпаться по будильнику, трястись в маршрутке к месту службы, читать набившие оскомину чужие тексты, принимать к сведению одно, планировать другое, учитывать третье. Тысячи километров надолго отделили тебя от прежней жизни.

Один из моих предшественников-стипендиатов, замечательный московский поэт Михаил Айзенберг, потратил все свои итальянские каникулы непосредственно на Италию. Вот что он сам об этом пишет: «Полагаю, что провёл своё римское время самым разумным образом. Я жил там два с половиной месяца, а занимался только тем, что ходил по улицам, как заведённый, и смотрел. Если шёл дождь или я просыпался позже обычного, то начинал нервничать. Казалось, что безобразно теряю время. *Всё упускаю*. Мало с кем общался и почти разучился говорить на любом языке. Только ходил и ходил, кружа по одним и тем же местам, не уставая и не насыщаясь».

Нечто подобное начал практиковать и я. Первая неделя итальянской осени прошла под знаком интенсивного потребления. Потреблял я красоты Рима и его музеи. Ежедневно выбирая новый маршрут и новые экспозиции. Вот перечень моих достижений на культурном фронте. День первый — палаццо Корсини и Башня Ангела, день второй — палаццо Барберини и Национальная галерея современного искусства, день третий — музеи Ватикана, день четвёртый — Вермеер и его современники в бывших папских конюшнях на Квиринале, день пятый — музей этрусского искусства на вилле Джулия, день шестой — палаццо Дория Памфили, день седьмой — термы Каракаллы и вилла Боргезе.

Смотрел я поначалу практически одну живопись. Позже к ней прибавилась античная скульптура, подарив мне, неучу, настоящие открытия. Признаюсь, созерцание предметов быта былых эпох меня угнетает, а картины и статуи переносят в вечность, где смерти нет и всё нетленно. История — территория кошмара, искусство — попытка бегства из него. Неприятное ощущение оставил только музей этрусков. Горы посуды, хозяйева которой умерли без малого три тысячи лет назад. Каждая миска вопиёт о том, как плохо сохраняются люди.

Больше всего понравилось там, где мало народу. Туристы — это вообще отдельная тема. Все они, как бы сказал Толстой, счастливы одинаково. По Риму передвигаются медленно, как зомби из фильмов Джорджа Ромеро, на каждом углу сверяясь с картой. Вот дневниковая запись после похода в музеи Ватикана, где в бесплатный день (последнее воскресенье месяца) плотность туристов достигает опасной для жизни концентрации: «Ходили. Делали вид, что видят. Чем больше ходили, тем меньше видели. Плечом к плечу из зала в зал по утверждённому маршруту. Временами это походило на демонстрацию в бане. Временами казалось, что шествие замкнулось. Всего было слишком много. Усталый зритель тосковал по обозримости палаццо».

А в палаццо, какое ни возьми, и в самом деле очень хорошо. Народу мало, коллекции обозримые, при этом плотность шедевров не ниже, чем везде.

Главным художником этой осени для меня оказался Караваджо. С гением итальянского барокко я поддерживал постоянную связь. В трёх римских церквях его полотна висят в открытом доступе. Туда я регулярно заходил во время своих прогулок по Риму. И никогда не уставал смотреть на его полотна.

На исходе первой недели я ощутил острую интоксикацию прекрасным. Как таможеннику Верещагину перед миской чёрной икры, мне хотелось кричать перед лицом римской красоты: «Ну не могу я её, проклятую, есть!» А ещё вспоминался безногий инвалид Жачев из платоновского «Котлована». От долгих речей по радио ему становилось беспричинно стыдно, и он яростно вопил: «Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!»

Так и мне захотелось по мере сил ответить Риму. Ощутить себя здесь творцом, а не просто гулякой праздным. Со второй недели я начал писать стихи. В Ярославль привёз 36 новых текстов. Обычно это моя годовая норма. Лишь часть из них напрямую связана с Вечным городом. Своей сложно организованной структурой Рим постоянно провоцирует воображение.

* * *

Дон Хуан учил Кастанеду искать «места силы». Нечто подобное понадобилось в Риме и мне для делания стихов. Начал я с виллы Боргезе, уже знакомой по первой, туристической поездке. В этом бескрайнем парке на холме Пинчо всегда можно найти укромную скамейку. Правда, дорога пешком занимала не менее часа, но затяжные прогулки входили в предустановленный распорядок дня. Я шёл на виллу одним путём, а возвращался другим, сохраняя таким образом ощущение новизны. А вскоре нашлось место ещё более подходящее — и тише, и ближе. Вилла Челимонтана на вершине холма Целий, в десяти минутах ходьбы от Колизея. Удивительно, но толпы туристов благополучно минуют этот замечательный парк. Вход на Челимонтану я нашёл почти случайно и сразу в неё влюбился. На самой укромной и солнечной аллее виллы, рядом с Итальянским географическим обществом я провёл самые продуктивные свои часы. Здесь было написано большинство римских стихотворений. В октябре и даже начале ноября погоды стояли такие, что я загорал прямо на скамейке без отрыва от производства текстов.

*сладок полдень полудённый
свет поёт на вышней грядке
повторяй как заведённый:
всё в порядке
всё в порядке*

*потому что время — сажу
перепачкаться принудит
чище вечного пейзажа
ничего уже не будет*

Календарная осень в Риме по русским меркам оказалась летом. Большую часть итальянских каникул я проходил в рубашке с коротким рукавом, изредка дополняя гардероб ветровкой. Лишь в конце ноября похолодало, и зарядили дожди. А в декабре на Челимонтане почему-то сталолюдно. Прощальный визит на виллу оказался трагикомическим: на каждой из пяти скамеек моей заветной аллеи кто-то спал. Я сфотографировал эту эгегическую картину и, вздохнув, удалился.

Начав писать стихи, я автоматически выбыл из армии туристов, хотя продолжал таскать в сумке целых два путеводителя, на всякий случай. В Риме никогда не знаешь, куда забредёшь и что увидишь. Вскоре у меня появилось несколько регулярных, протоптанных маршрутов. Все они вели или на виллу Боргезе, или на Челимонтану. Повторяемость видов совсем не тяготила. Фактура городских ландшафтов была настолько богата, что они каждый раз открывались какой-то новой стороной. Я ходил одними и теми же путями, рифмовал в одних и тех же местах, заказывал лазанью в одном и том же кафе с видом на Колизей, покупал продукты в одном и том же супермаркете. И таким образом окончательно почувствовал себя своим в Риме. Образ жизни сложился осмысленный и нетягостный. Покидать Вечный город совсем не хотелось. За его пределы я выезжал лишь

дважды: во Флоренцию и Венецию. После солнечного Рима холодный город на воде показался огромным музеем под открытым небом — красивым, но совершенно непригодным для жизни. Обилие населения, прибывающего сюда утренними электричками, усилило это впечатление.

* * *

Кажется, чем старше город, тем моложе должны быть его жители. Если бы римляне не были так полны здоровой витальной силой, Вечный город уже давно припахивал бы кладбищем. Но равновесие не нарушено, гармония соблюдена, чаша весов не поколеблена. Глядя на то, как ловко автомобили и скутеры вписываются в тесноту римских переулков, как обстоятельно обжита и приспособлена для нужд текущей жизни архитектура минувших веков, с радостью осознаёшь: в Риме всюду побеждает жизнь.

*свернули небо а за ним стена
грибной король клонирует колонны
соблазнами змеятся письма
слепые поселенцы непреклонны*

*весь этот рай такой немолодой
что статуи ночами жгут полотна —
летучий дух очнётся под водой
и рыбой обернётся неохотно*

Чего мне не хватало в Риме, так это овсяных хлопьев. Универсальным вариантом завтрака стал обезжиренный творог, обозначенный на банке как «греческий».

Отдельная тема — итальянская граппа. Виноградную водку я дегустировал обстоятельно, выбирая лучшую. Могу сказать со всей ответственностью: самая вкусная граппа — мускатная. Этот напиток в зеленовато-жёлтых тонах крепостью 43 градуса я сначала вкушал неразбавленным, потом начал экспериментировать, смешивая с соками. Идеальным для граппы оказался грейпфрутовый. Одинокие вечера с коктейлями становились всё более пленительными, пока я однажды в полночь не увидел, что 700-граммовая бутылка скорее пуста, чем полна. Волевым усилием я ввёл вечерние возлияния в русло поуже. Но любовь к мускатной граппе навсегда со мной.

Немного о личной этимологии. В названии Трастевере мне слышалось английское «trust» — «доверие», в Понте Систо — билась систола, сокращение городского сердца. Челлимонтана как будто была составлена из моего нагруженного образами чела и монтаны, то есть горы, на которой я эти образы бросал в горнило стихосложения. Вилла Боргезе не могла не напомнить о преступлениях зловещего семейства. Вообще меня окружала масса нежащих ухо названий...

Общение моё в Риме было по преимуществу дистанционным. Интернет в квартире не давал сбоев, и каждый вечер я через скайп выходил на связь с Ярославом. Не знаю, как назвать эти контакты — очными или заочными. Римских собеседников, точнее собеседниц, было двое: профессор университета Ла Сапиенса Клаудиа Скандура и переводчица стихов многих русских поэтов, в том числе и моих, Даниэла Либерти. Несколько лет назад Клаудиа составила первую антологию произведений стипендиатов Фонда Бродского под названием «Рим совпал с представлением о Риме». С тех пор успел накопиться материал для второй. С её подачи состоялась моя встреча со студентами-славистами. Поскольку

Венецианский жест

их русский пока оставлял желать лучшего — это был второй курс, — я воздержался от обильного чтения стихов. Вместо этого устроил им краткий ликбез по русской поэзии XX века. Описывая систему координат своего литературного универсума, по одной оси расположил Мандельштама, по второй — обэриутов, по третьей — поэзию первой эмиграции в лице Ходасевича и Георгия Иванова. Кажется, им было интересно. Большинство имён они слышали впервые.

Последние две недели моих римских каникул я провёл в роскошном особняке на вершине холма Яникул под крылом Американской академии в Риме. Она — партнёр Фонда Бродского и заинтересована в приёме его стипендиатов. После двух с лишним месяцев махрового индивидуализма пришлось экстренно реанимировать навыки коллективной жизни. В стенах Академии трудятся и отдыхают более полусотни людей творческих профессий: историки, археологи, искусствоведы, музыканты, художники, дизайнеры. Ну и поэты, как водится, хотя они здесь — самые редкие птицы. Обедают «академики» сообща в одно и то же время. А ужин при свечах и с сухим вином длится часа два в интенсивном общении. Постоянных мест за столами ни у кого нет, поэтому каждый вечер я знакомился с новыми собеседниками. Снова и снова объяснял, кто я и откуда, пытался по мере скромных языковых возможностей поддерживать один и тот же разговор. Честно говоря, всё это походило на День сурка. Виной всему мой катастрофически слабый английский. Через несколько дней я устал выглядеть дураком, стал приходиться на ужин всё позже, а уходить всё раньше.

Моим соседом по этажу был ещё один стипендиат Фонда Бродского — московский художник-концептуалист Андрей Филиппов. Он провёл в Американской академии весь отпущенный ему срок и тоже ощутимо тяготился царившими здесь коллективистскими нравами. Зато в распоряжении Андрея была целая мастерская, откуда открывался волшебный вид на Рим. С вершины Яникула я и оправился в середине декабря в аэропорт Фиумичино.

Что сказать о римских каникулах? Это был уникальный опыт продуктивного творческого одиночества в одном из самых любимых моих городов. Особый, неповторимый период моей жизни, несравнимый ни с теми, что были до, ни с теми, что наступят после.

*в тавернах рычат барбароссы
фонтаны поют без монет
колосьями гнутся колоссы
на форумах кворума нет*

*ночь дышит водой и свободой
истоптанный город-музей
вращает роман с непогодой
устав от незваных друзей*

*и выкормыш скифских наречий
так пристально смотрит во тьму
как-будто язык человеческий
впервые открылся ему*

Александр БЕЛЯКОВ